

Увидев, как он взволнован, Юй Чанцин проникся жалостью и, чуть приподняв голову, тихо прошептал ему на ухо:

— Хочешь ли ты?

Ван Дачжуан, занятый своими делами, на мгновение застыл и поднял голову. После всех этих «непотребств» взгляд на Сяньцзюня вызвал у него легкий румянец на щеках, и он только пробормотал:

— Что?

Лицо Юй Чанцина тоже слегка порозовело. Он несколько раз моргнул длинными ресницами, сам чувствуя некоторую неловкость. Но сердце его было переполнено, и он не знал, как выразить эту любовь. Ему тоже хотелось, чтобы Ван Дачжуан получил то, о чем мечтал, но слова застревали в горле, и потому он просто протянул руку вниз.

Ван Дачжуан: «...!!» Черт возьми, куда делись мои штаны?!

Его лицо вспыхнуло, словно охваченное пламенем, а дыхание перехватило. Сердце бешено колотилось в груди и в любую секунду готово было выскочить через горло. Но, опустив взгляд, он заметил, как из-под разошедшегося воротника одежды Сяньцзюня выглядывает уголок бинтов, и понемногу успокоился.

Он посмотрел на лицо Юй Чанцина. Ресницы того слегка дрогнули, на лице промелькнула неловкость, но отступить он явно не собирался.

Его Сяньцзюнь, человек с высочайшим совершенствованием и холодной, как у бессмертного, отрешенностью, ради того, чтобы порадовать его, готов был дойти даже до такого, чтобы произнести подобные слова. И сейчас не было ни проклятого действия лекарства, ни вынужденных обстоятельств — Сяньцзюнь делал это только ради него, просто чтобы он был счастлив.

Но как же он мог согласиться? Не говоря уже о том, что Сяньцзюнь еще был ранен, он бы всё равно не смог так поступить. В прошлый раз... он чуть не умер от боли. Если бы не знал этого, еще куда ни шло, но теперь испытал на себе, он ни за что не заставил бы Сяньцзюня испить столь горькую чашу.

Но если отказаться, разве это не заденет достоинство Сяньцзюня? Подумав об этом, Ван Дачжуан заколебался. Юй Чанцин, видя, что тот не отвечает, словно невзначай поднял взгляд. Уголки его глаз снова окрасились легкой нежной краснотой, и когда дрогнули длинные ресницы, сердце Ван Дачжуана растаяло. Решившись, он наклонился и поцеловал его в губы.

Юй Чанцин решил, что тот наверняка очень рад, и попытался расслабиться, позволяя ему

взять инициативу. Но теперь всё было иначе, чем прежде: он не был под действием лекарства, разум оставался ясным, и он не лишал себя сознания. В беспорядке одежд, в полном чувств поцелуе он вкушал невероятную сладость. Его многолетнее самоограничение и выдержка словно улетучились, постепенно охваченный страстью, он забыл обо всем остальном и, прижав ладонью затылок Чжуан-гэ, яростно углубился в поцелуй.

Когда его наконец отпустили, могучий Чжуан-гэ видел перед глазами лишь россыпь золотых искр. Грудь его часто вздымалась, а сам он из положения сверху оказался перевёрнут и прижат снизу. Он ещё не успел перевести дух, как тот, кого он считал первым красавцем под небесами, снова навалился и заткнул ему рот поцелуем.

Ван Дачжуан: «...»

Можно передохнуть хоть немного, Сяньцзюнь?

Очевидно, нет.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем маленькая хижина вновь погрузилась в тишину. Ван Дачжуан лежал на ложе, еле дыша.

Где же обещанное спокойствие и бесстрашие? Где же та холодная отрешенность, что подобает бессмертному?

Почему же Сяньцзюнь словно с ума сошёл? Неужели остаточное действие яда?

Возможно.

Ладно, на самом деле он знал, что дело не в этом. Он это видел: хоть Сяньцзюнь внешне холоден и отрешён, но в глубине его души скрывается хищная, волчья натура. Ах... если так подумать, это же делает его ещё более притягательным! Что же делать?

Так зачем же тогда было надевать одежду? Сущее излишество.

Юй Чанцин лежал рядом с ним, краешки его глаз ещё были подёрнуты лёгкой краснотой. Он то и дело нежно гладил Ван Дачжуана по лицу и с заметным чувством вины тихо сказал:

— Прости.

Как же так вышло, что обещание позволить Ван Дачжуану получить желаемое обернулось

таким образом? Где же честность? Как после этого Чжуан-гэ сможет ему верить?

Эх, красота сбивает с пути.

Ван Дачжуан повернул голову к нему, увидел раскаяние в его глазах и поспешно сказал:

— Не говори так. Я сам этого хотел, Сяньцзюнь. Я... я правда очень тебя люблю.

Хоть эти слова и звучали, пожалуй, довольно бесстыдно, но лишь бы его Сяньцзюнь не мучился угрызениями совести. К тому же он и вправду был согласен. В прошлый раз, в суматохе, он поранил Сяньцзюня, и это оставило в нём глубокую тень. Да, для человека, идущего по пути самосовершенствования, раны и кровь, возможно, неизбежны, но они уж никак не должны быть нанесены им! Неважно, где именно — это непростительно.

Он неуклюж и неловок, как может сравниться с Сяньцзюнем? Как тогда... когда Сяньцзюнь потерял сознание, а он сам на ощупь пытался снять действие лекарства. Боль была адская, так что он решил, будто это дело само по себе такое мучительное. И думал, что это добровольная пытка ради Сяньцзюня... а оказалось... кхм. Сяньцзюнь всё время перехватывал его руки, не давая трогать себя самому, и в итоге всего лишь так... и он уже «сдался»... кхм-кхм, слишком уж стыдно, лучше не продолжать...

Стоило Ван Дачжуану чуть припомнить, как кровь бросилась в лицо, и он мысленно выругал себя: тьфу, ну и бесстыдник.

Но, в общем и целом, что бы ни делал Сяньцзюнь — всё было лучшим. Всё, к чему тот прикасался, становилось правильным и хорошим!

— Тебе больно? — тихо спросил Юй Чанцин, всё ещё чувствуя вину.

Ван Дачжуан торопливо замотал головой:

— Нет! Мне очень хорошо!

Глаза Юй Чанцина тут же загорелись, он слегка приподнялся и признал:

— Тогда мы...

На лице Ван Дачжуана отразился неподдельный ужас, и он жалобно протянул:

— Но я так устал... давай немного поспим, ладно?

Юй Чанцин слегка разочаровался, но, видя, что Ван Дачжуан и вправду выбился из сил, а глаза его уже закрываются, снова лёг, притянул его к себе и, мягко похлопывая по груди, сказал:

— Хорошо. Спи.

Ван Дачжуан, заметив его разочарование, почувствовал укол жалости, но он действительно был измотан до предела. Не прошло и минуты, как его уже утянуло в густой, сладкий сон.

Юй Чанцин, видя, как его дыхание быстро стало ровным и глубоким, как он за считанные мгновения погрузился в забытье, невольно тихо усмехнулся, молча разглядывая его профиль. Чем больше смотрел, тем отчётливее понимал, насколько его даолюй исполнен доблести и притягательности, и не мог оторвать от него взгляд.

Он хотел так полюбоваться ещё немного, но, лежа рядом, постепенно ощутил ленивую расслабленность. Ровное дыхание его даолюя звучало у самого уха, словно колыбельная, и веки сами собой начали наливаться тяжестью. Выпала редкая возможность тихо насладиться покоем, да и место было абсолютно безопасным, поэтому он не стал себя заставлять и позволил расслабленно погрузиться в сон.

В полудрёме Юй Чанцин обнаружил, что идёт сквозь крошечную тьму. Вокруг клубился редкий, плавающий туман, а пространство было пустым.

Неизвестно, сколько он шёл, когда вдали смутно начал вырисовываться силуэт в белых одеждах. Фигура человека была стройной и утонченной, одеяния белые, словно снег, а черные, подобно водопаду, волосы ниспадали на спину.

Он стоял там, не произнося ни слова и не двигаясь, словно изваяние, существующее здесь с незапамятных времён. Даже на таком расстоянии ощущалось безжизненное, леденящее спокойствие, угнетающее душу и разум.

Юй Чанцин остановился и безмолвно замер на месте, молча созерцая спину незнакомца.

<http://bllate.org/book/12569/1118000>